

Возбудители раскола Николай Дмитриевич Тальберг

Авторство Н. Д. Тальберга установлено по прижизненному биографическому очерку В. Лукьянова, опубликованному в юбилейном сборнике «Отечественная быль» (Jordanville, 1960, стр. 13): «Им (т. е. Н. Д. Тальбергом) в начале смуты написаны были "Возбудители раскола" и "Церковный раскол«...» (Прим. – А. К.).

От издателя

Иудо-масонство – величайшая опасность. Для борьбы с ним я решил основать Издательство: «ДОЛОЙ ЗЛО».

Группа лиц, при моем участии, составила предлагаемый читателям труд, в котором все даваемые сведения опираются на факты и документы. Цель наша – помочь разобраться в Церковной смуте людям добросовестно заблуждающимся.

Ведь, если опасны и вредны масоны, то не менее вредны и опасны те, которые, сами того не понимая, поддерживают этих врагов Церкви и национальной России.

Неужели русским людям для ясного осознания действий врагов России мало того, что произошло – **нашей позорной революции** – и они будут продолжать и теперь идти за теми, кто совершил самое большое в истории нашей Родины преступление.

Князь М. Горчаков.

9/22 мая 1927 г. Париж.

Вместо предисловия. Из творений Епископа Феофана Затворника.

«Когда на Западе множилось разнообразие вер более или менее ложных, на Востоке (в России) неизменно пребывала в своем веровании Православная Церковь, единая истинная, Божию истину содержащая, ту самую истину, которая возведена Господом Спасителем и насаждена в Церкви святыми Его Апостолами. Мы – сыны Церкви православной – содержим сию истину и стоим в ней. Через целый ряд веков шла непреложная истина в Церкви Православной и до нас дошла. Стоит в истине святая Церковь; стоим и мы в ней. Благодарение Господу, благоволившему родиться нам в недрах единой Православной Церкви!

То, что мы исповедуем и как содеваем свое спасение, было в силе у наших отцов, дедов, прадедов, пращуров, прапращуров, – и всех россиян с самого просвещения их истинною верою при святом Владимире. Этому уже скоро тысяча лет. И сколько святых воспитала святая Церковь наша ходатаев и молитвенников о нас перед Господом, как указывают нетленные мощи их, по всей земле Русской разсеянные! Но идите далее, – тоже исповедание и то же содевание спасения увидите вы у греков, от коих приняли мы святую веру. Идите и у них по векам; дойдете до соборов, защищавших и утверждавших истину вселенскую. Пройдите соборы до Константина Великого, и всюду будете зреть одну и ту же истину, всем сонмом верующих содержимую и по всей вселенной царствующую. Двигайтесь еще далее, – пройдете века гонений, – дойдете до века апостольского, – и усмотрите и там тоже исповедание и тоже содевание спасения, какое теперь и у нас содержится и действует. А то, чему учили и что учредили Апостолы, принято ими от Господа; Господь же и говорил и делал, как принял от Отца Своего, в тайне Пресвятой Троицы. Вот откуда вера наша! Вот где ее источник! Вот как она из глубин Божиих истекши, текла по течению веков и до нас дотекла! И сию-то божественную и вековечную веру вы готовы бросить и изменить на ложь.

Сколько было учений, искажавших истину о Христе Иисусе и прежде Ария и еще больше после него! Все они обличены Церковью и прокляты. Сколько расплодилось их на Западе! Счету нет. Но все они отвергаются Православною Церковью, несмотря на то, что только и речи у них, что о Господе Спасителе.

Сам Господь (Матф. 7, 15) предостерегает о таких людях, которые именем Его прикрываются, увлекая на ложь (Матф. 7, 22). Видите, что под

именем Христовым может быть проповедан совсем не Христос! Так претительна ложь, прикрывающаяся священными и сладостными именами! Бывает благовестие или Евангелие **ино**, которого благовестник анафеме подлежат...».

(Из книги «Письма о разных предметах веры и жизни», Москва 1892 г., стр. 46–51. Взято из журнала «За Православие», апрель 1927 г.).

Большевики – начинатели смуты

Для понимания современной церковной смуты, так болезненно отразившейся на жизни русского зарубежья, необходимо установить **кому** она была нужна, **кто** поддерживает отколовшегося от Собора Епископов Митрополита Евлогия и **у кого** он ищет поддержки.

Смута была начата большевиками. Изничтожая всеми мерами высшую иерархию в России, большевики не могли терпеть существование независимой от них, организованной на канонических основах иерархии за границей, могущей свободно отстаивать церковную правду. Твердое же, отвечающее всей истории Русской Церкви и постановлениям Московского Собора 1917–1918 г.г., выступление Собора Заграничной Церкви в 1921 году, в Сремских Карловцах, против большевицкой власти, заставило советское правительство ускорить нанесение ей удара. **Нужна была смута.**

Главное возмущение большевиков, пытавшихся тогда наладить свои отношения с западными державами, вызвало твердое, патриотическое, вытекавшее из идеи белого противобольшевицкого движения обращение Собора 1921 года, в Сремских Карловцах, к державам по поводу Генуэзской конференции, на которую впервые приглашались большевики.

Обращение это, принятое Собором единогласно, и подписанное Митрополитом Антонием, заканчивалось так:

«Народы Европы! Народы Мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу, народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. **Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм¹** – этот культ убийства, грабежа и богохульства из России и всего мира. Пожалейте бедных русских беженцев, которые за свой патриотический подвиг обречены среди вас на голод и холод, на самые черные работы, которые принуждены забывать все, чему учились и быть лишенными даже таких необходимых удобств жизни, которые доступны последнему неграмотному чернорабочему. Они в лице доброй своей половины офицеров, генералов и солдат готовы взяться за оружие и идти походом в Россию, чтобы выручить ее из цепей постыдного рабства разбойников. **Помогите им осуществить свой патриотический долг**, не дайте погибнуть вашей верной союзнице – России, которая никогда не забывала своих друзей и от души прощала тех, кто временно был ей

врагом. Если поможете возстановиться исторической России, то скоро исчезнут те, пока не разрешимые политические и экономические затруднения, которые по всему миру сделали жизнь столь тяжелой; тогда только возвратится на землю «желанный для всех людей мир» (Ефес. 8, 13)».

Обращение это опубликовано было в издающейся в Белграде газете «Новое Время», 1-го марта 1922 года. Тотчас по доставлении газеты в Москву агенты чеки потребовали от Патриарха Тихона издания акта, карающего Заграничную Русскую Церковь. Зная, что на Соборе в Сремских Карловцах не было достигнуто единодушия по вопросу о призыве Зарубежья к молению о возвращении на Престол Дома Романовых и понимая, что удар сразу по всему заграничному духовенству заставит последнее еще сильнее сплотиться, чекисты придумали среднее решение.

В вынужденной большевиками, повидимому, в части продиктованной, резолюции Патриарха Тихона Собор в Карловцах осуждался за послание о Династии Романовых и обращение к Генуэзской конференции, что объявлялось нарушением указа Патриарха от 25 сентября 1919 года, воспрещавшего духовенству борьбу с большевиками. Отменялось существовавшее тогда Высшее Заграничное Церковное Управление (с участием клириков и мирян) и подтверждались, предоставленные ранее тем же Высшим Заграничным Церковным Управлением, права Митрополита Евлогия по управлению западно-европейской епархией.

Большевики, зная, что Митрополит Евлогий оказался в меньшинстве при голосовании вопроса о Династии Романовых, рассчитывали, что он несознательно поможет им, внеся тогда же смуту в Церковь, а затем новым актом принуждения Патриарха будет сам уволен (таким вторым актом и явилось приготовленное большевиками, в развитие предыдущего «карательного» указа 1922 года, пресловутое «завещание» Патриарха).

Святейший Патриарх Тихон, уступая давлению большевиков, был вместе с тем спокоен, зная, что заграничное духовенство имеет исчерпывающее, ясное постановление Высшей Церковной Власти в России от ноября 1920 года, предрекающее **соборное управление**, оторванных от Москвы епархий.

В то время попытка большевиков внести страшную смуту не удалась.

Митрополит Евлогий, живший тогда в Берлине и не ставший еще пленником тех вредных сил, о коих речь будет ниже, – отлично понял все значение вынужденного акта Патриарха Тихона:

«Указ этот», – писал он Митрополиту Антонию, – «поразил меня своей неожиданностью и прямо ошеломляет представлением той

страшной смуты, которую он может внести в нашу церковную жизнь. Несомненно, он дан был **под давлением большевиков**».

На эту же точку зрения о вынужденности акта встал и Архиерейский Собор 1922 года, создавший каноническое управление зарубежной церковью на основании упоминавшегося только что постановления Высшей Церковной Власти в России от ноября 1920 года.

И позднее Митрополит Евлогий считался с полной возможностью **вынужденности** постановлений Патриарха Тихона. Когда большевиками опубликовано было, так называемое, «завещание» Патриарха Тихона, признававшего, якобы, большевицкую власть и в завершение плана 1921 года последней, окончательно разгромлявшего всю Зарубежную Церковь, – в том числе и Митрополитов Евлогия и Платона, – то в газете «Вечернее Время», от 11 (24) апреля 1925 года, за № 304, было напечатано следующее заявление Митрополита Евлогия:

«Возможно, что документ **кем-то составлен и, что называется, подсунут к подписи**. Сомнительные, двуличные люди могут найтись везде и ни перед чем не останавливаются. **Могло быть использовано болезненное состояние Патриарха**. Каково оно могло быть, можем судить по следующему отрывку из письма, еще от 18-го мая 1924 года.

"**Несмотря на свои сравнительно молодые годы (59 лет)**, Патриарх производит впечатление старца. Постоянные тревоги и волнения, а также болезнь подтачивают его силы. В течение года у него трижды повторялся глубокий обморок, длившийся 20–30 минут. Сначала думали, что это легкие удары, но консилиум лучших врачей открыл у Патриарха нефрит, не сильный, но не излечимый. Обмороки происходят от всасывания мочевины. Непосредственной опасности нет, но всасывание мочевины может повести к неожиданной катастрофе».

При этой болезни, кроме обмороков, бывают тяжелые полуобморочные состояния с ослабленным сознанием. Это могло быть использовано. Как бы там ни было, я за этим документом, **никакой обязательной силы не признаю, хотя бы он был и действительно написан и подписан Патриархом**. Документ имеет характер политический, а не церковный². Он не касается ни догматов, ни канонов, ни обрядов, а говорит об отношениях к советской власти в пределах советского государства. Вне его пределов он не имеет значения для православных, как не имеет церковного значения и авторитета ни для кого и нигде».

Ближайший же сотрудник Митрополита Евлогия, член Епархиального Совета по назначению, А. В. Карташев, тогда же, в № 310 «Русского

Времени», в таких выражениях признавал вероятность вынужденных актов.

«Вы спрашиваете меня подлинен ли последний документ, опубликованный коммунистами под именем: «Завещания Патриарха Тихона»? Вопрос аналогичен по сложности с другим: подлинны ли три прежних документа, одновременно подписанных Патриархом Тихоном о признании им «советской» власти? Подлинной оказалась подпись под ними Патриарха. Но, как теперь точно известно, **изготовлены были эти гнусные по тону и языку акты в ГПУ**, а Святейший Патриарх-Мученик решил их **подписать** в жертвенном порыве, ради спасения Церкви, жертвуя своей внешней мирской репутацией»...

«Пусть даже», – пишет он далее, – «в порядке «всяких неправд», к злополучному «документу» приложена и рука самого Патриарха. И все-таки, при всем сожалении об этом документе, для нас, верных детей Патриарха в эмиграции, он **не имеет никакого практического значения**».

И только в 1926 году **большевики могли торжествовать**. Удар, нанесенный ими в 1922 году Зарубежной Церкви, дал результаты. **Смута возникла**.

Митрополит Евлогий, увы, ставший пленником темной силы, превратил указ, данный, по его же словам, под давлением большевиков, в священный «завет» почившего Патриарха Тихона, на этом указе построил свои исключительные права, тем самым возглавив затеянную большевиками и им же в 1922 году предвидевшуюся «страшную смуту».

Иудо-масонская печать – разжигатель смуты

Кто же поддерживает Митрополита Евлогия в углублении церковной смуты, затеянной большевиками?

Прежде всего, **иудейская печать**.

Возьмем газету «Руль» – орган иудеев, масонов Каминки и Гессена. Горюю стоит «Руль» за Митрополита Евлогия, с грязью смешивает тех, кто остался верен Соборной Церкви.

Какая, подумаешь, забота о Православии, о церковных канонах со стороны иудеев!

В № 706 газеты «Возрождение», от 9 апреля с. г. А. М. Ренников, в статье своей «Осколки», правильно изобразил истинное лицо этой иудейской газеты – покровительницы Митрополита Евлогия.

Газета Гессена и Каминки выпустила пасхальный номер. Нет в нем приветствия «Христос Воскресе».

«Что поделаешь», – пишет Ренников, – «если для газеты Вокресение Христово вопрос исторически спорный? Как возразишь, если при христосовании с выпускающим скажешь ему радостно: «Христос Воскресе». А он тебе в ответ удивленно: – «Вы так думаете?»».

И далее Ренников, отмечая, что снимок с образа Нестерова «Воскресение Христово» редакторы «Руля» поместили в отделе **«Жизнь и шарж»**, правильно пишет: «я бы не удивился, встретив подобное распределение снимков с икон в советском «Безбожнике».

Это так характерно для Гессенов и Каминок и темь показательнее именно их поддержка Митрополита Евлогия.

Не только поддерживает Митрополита Евлогия, но даже стала его официозом, другая иудейская газета «Последняя Новости», редактируемая Милюковым. В ней, например, напечатано было письмо Митрополита Евлогия Архиепископу Серафиму Финляндскому до получения его последним. «Последняя Новости» извещали читателей о намечающемся содержании ответного письма Митрополита Евлогия Архиепископу Анастасию, тщетно желавшему побудить Митрополита Евлогия к миру и т. д.

В дореволюционные времена Милюков резко отрицательно относился к самому политиканствующему из русских Епископов – Архиепископу Евлогию.

Крупный надлом в отношении Милюкова и его хозяев-иудеев, издателей «Последних Новостей», явно произошел после известной

истории Минцлов – Манухин – Демидов.

В «Последних Новостях», 7-го февраля 1925 года, помещена была статья писателя Минцлова под названием «Тайна», в которой идеализированный Иуда Предатель выставлялся несчастной жертвой веры в Иисуса Христа. Предательство его, якобы, вызвано было желанием дать Учителю прославиться чудом, удавился он, убедившись в том, что Господь не воскрес!

Кошунственная статья эта вызвала глубокое возмущение во всем Зарубежьи. В Париже, несмотря на старания Митрополита Евлогия, затушить это дело, собраны были сотни подписей с требованием устранения из Приходского Совета члена его И. П. Демидова, с разрешения которого – как помощника редактора – статья Минцлова появилась в «Последних Новостях». Демидов вынужден был уйти из Приходского Совета, ушел отсюда и защищавший его домашний доктор Митрополита Евлогия, И. И. Манухин.

В № 1482 «Последних Новостей», от 22-го февраля 1925 года, помещены были беседы с Митрополитом Евлогием и И. И. Манухиным. Митрополит Евлогий заступался за Демидова, относительно же рассказа Минцлова сказал: «Тема эта для богословски и философски образованных людей не новая и не раз подымавшаяся». То же, по отзыву Манухина, заявил Митрополит Евлогий и в Приходском Совете.

С этого дня поддержка Митрополиту Евлогию со стороны Милюкова и К° была обезпечена. «Мы утешены тем, что в данном случае единственный церковный авторитет оказался не на стороне конклава (Приходского Совета), – писалось в передовой в том же № 1482 «Последних Новостей». – «Ибо еп. Евлогий заявил парижским фарисеям, что никакого «кошунства» в инкриминируемой статье он не усматривает. Более образованный, чем эти господа, почтенный иерарх привел им примеры трактования той же темы, не только в советской литературе, но и в христианской легенде».

«Последняя Новости», – в особенности Демидов и Манухин, – в дни теперешней смуты сторицей отплачивают Митрополиту Евлогию за его тогдашнюю защиту.

«Софианцы» в прошлом и в настоящем.

Сплоченную, систематизированную поддержку встречает Митрополит Евлогий в газете «Возрождение». Издатель ее Абрам Осипович Гукасов – неправославный, а армяно-григорианец. Церковный отдел ведет редактор газеты Петр Бернгардович Струве, являющийся видным членом «Братства Св. Софии».

Братство это, слагавшееся еще в России, основано было группой лиц в Праге. План его работ был выработан на совещании «братства», происходившем в Берлине. Проект Братства – в коем с полной откровенностью высказаны были ясно основные желания учредителей – подвергся в 1924 году внушительной критике князя Н. С. Трубецкого³, выразившейся в письме его к протоиерею С. Булгакову, приглашавшему его вступить в лоно «братства»:

– «Мы имеем дело», – писал он, – «не с обычным типом православного братства, а с организацией, **не имеющей прецедента** в православной **практике**. Собственно, это скорее напоминает монашескую общину с разделением на монашеские степени и с возглавлением игуменом, при чем, однако, самой главной предпосылки – выхода из мира и чисто монашеского подвига – нет. Такая внемонастырская община, состоящая из мирян и духовенства, скорее заслуживала бы название **ордена**, чем братства!»

– «Братство Св. Софии стоит как бы **вне конкретной церковной организации**, не прилегает к ней, а только прикасается к ней в отдельных пунктах. Вследствие этого Братству приходится создавать особо **свою особую иерархию**, что и является его самым бьющим в глаза отличительным признаком. Институт «**духовного главы**» и трех **степеней** братьев, не существующий ни в одном нормальном православном братстве, логически вытекает из необходимости иметь свою иерархию».

– «Теоретически мыслимо положение, при котором **епископ** оказывается в духовном **подчинении** у иерея, (как духовного главы Братства), что канонически недопустимо».

– «Происходит какое-то установление эквивалентности, какое-то координирование двух иерархий, одной – канонической, другой – основанной, в сущности, на **общественном мнении**. Происходит **внецерковное** наделение людей, отмеченных общественным мнением, признаком духовного авторитета, тем более **соблазнительное, что чиноприемы и возведения в степени связаны с таинствами покаяния**

и причащения (§ 12), придающими им видимость рукоположения. Таким образом, Братство создает особую иерархию и сосуществование этой особой, братской, иерархии с иерархией канонической создает совершенно недопустимое, с православной точки зрения, положение».

– «Для нас совершенно несомненно, что учреждение Братства Св. Софии является попыткой **пересадить на православную почву католический институт орденов**».

– «План укрепления», – пишет далее кн. Н. С. Трубецкой, – «православной дисциплины путем насаждения на православной почве чуждого ей по духу латинского института орденов – к цели не приведет. **Даже, более того**, – этот способ действий только еще больше **разрушает** православную дисциплину. В сознании верующих интеллигентов подобные ордена **не укрепят авторитета канонической иерархии, а подменят этот авторитет авторитетом светских богословов и религиозных публицистов**. Совершенно помимо воли учредителей «Братства Св. Софии», **это учреждение может привести многих к антиепископальному настроению, близкому к «Живой церкви**».

Братство это плотной стеной окружило Митрополита Евлогия, утвердившего их устав, и энергично ведет свою работу, стараясь захватить исключительное, господствующее влияние в Зарубежной Церкви, надеясь подчинить ему впоследствии и Церковь в России. Архиерейские Собор и Синод мешали поступательному движению Братства и против этих канонических учреждений, при посредстве Митрополита Евлогия, ведется опасная «антиепископальная» работа, о которой говорил князь Н. С. Трубецкой, ошибочно полагая, что работа эта пойдет «помимо» братьев, когда она именно совершается по их плану.

О существовании Братства членами его намеренно до времени хранится молчание. Помнится, что раз только, в 1924 году, в № 994 «Нового Времени», от 21-го августа, помещая свое письмо «К Велеградскому съезду», протоиерей С. Булгаков упомянул, что письмо это одобрено его друзьями, входящими вместе с ним «в состав православного братства имени Св. Софии, Премудрости Божией». Да недавно, в «Возрождении», А. В. Карташев, стараясь доказать свою непринадлежность к масонству, но в этом не убедивший, упомянул о своем нахождении в братстве Св. Софии.

Скрывается и устав «Братства». Хотя он и подвергся **для внешности** некоторому изменению с проектом, в котором **слишком рано** и ясно выявились стремления «братьев» к захвату власти в Церкви, – но все же и в этом виде его не решаются показывать.

Работу же свою братство ведет усиленно, имея в составе своем лиц, обладающих возможностью различными способами влиять на общественное мнение.

Проф. В. В. Зеньковский руководит религиозным движением молодежи. Кн. Г. Н. Трубецкой имеет влияние в известных церковных кругах и освещает церковные вопросы с точки зрения Братства в «Возрождении».

Ряд братьев: прот. С. Булгаков, А. В. Карташев, С. Л. Франк, В. В. Зеньковский, Г. Флоровский, С. С. Безобразов, Н. Д. Бердяев, Б. В. Вышеславцев преподают в Богословском Институте, в Сергиевском Подворье и почти все в так наз. Религиозно-Философской Академии. На средства Имки ими выпускаются философско-религиозные труды. Сотрудничают они в издаваемом Имкой, под фирмой Религиозно-Философской Академии, журнале «Путь».

В какими-то судьбами попавшей в «Возрождение» (вероятно в отсутствие Струве) статье проф. А. Билимовича «Ложные зовы» (№ 60, от 1-го августа 1925 года) ярко определена вредная работа тех «философов», которые хотят теперь направлять жизнь Русской Церкви:

«Ныне очень умножилось число светских богословов», – начинает свою статью А. Билимович. – «Они подходят с религиозной точки зрения к пожару, догорающему в России и бросающему свои отблески на европейский мир. Они ставят свои диагнозы и учат о пути спасения, диктуемом христианством.

В этом отношении более других требуют к себе внимания писания С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, Л. П. Карсавина (сборник «Проблемы русского религиозного сознания» и книга С. Л. Франка «Крушение кумиров»).

Смешанное чувство вызывают эти писания у немудрящего над религией, просто верующего русского читателя. Когда некоторые из этих авторов каются в пережитом ими идолопоклонстве перед революцией, когда они бичуют обоготворение бездушной политики, безцерковной культуры и безрелигиозной нравственности – приемлешь это с радостью, и в душе разливается тепло от мысли, что вот и идолопоклонники революции обратились. Но параллельно с этим по писаниям указанных светских богословов ползет нить мыслей, которые больно ранят сердце русского христианина. Эти мысли надо вскрыть, о них надо громко сказать, так как оне содержат **ложные зовы**. А произносимые от имени христианства и православия, оне могут **соблазнять**.

Пройду мимо многого в этих писаниях, лишь вскользь упомянув о нем. Насторожить заставляет уже отсутствие того смирения, с которым

должны были бы трактоваться подобные темы. Не выносима и та велеречивость и вычура, с которой эти люди пишут о Боге и религии. Нехристианская гордыня слышится в их возвеличении светского богословия и презрительном отношении к тому, что они по дурной интеллигентской традиции называют «официальным богословием». Большая сомнения вызывает то, что они пишут о соединении церквей, решаются писать в настоящее время, когда Русская Православная Церковь лишена возможности свободно и авторитетно высказывать свое мнение и свою волю. Но обо всем этом должны говорить другие, более компетентные.

Я остановлюсь подробнее лишь на тех указаниях, которые дают эти писатели для здешней земной деятельности, в частности для земной деятельности русских в переживаемые нами тяжкие годы.

С. Франк написал книгу о целой системе идолов: идол революции, самый ограниченный, но и самый опустошительный, более широкий идол политики вообще, еще более общий идол культуры и, наконец, самый широкий идол идеи и нравственного идеализма. Вера в Бога и религия должны, говорит он, сменить эти идолы, и заполнить духовную пустоту, зияющую даже над самым идеальным, но безрелигиозным деланием. Но этот же С. Франк, понимающий злобное идолопоклонничество революционеров, сознающий всю богопротивность большевиков, вместе с тем настойчиво повторяет, что и «ненависть к большевикам», равно как политика, направленная на их свержение, столь же богопротивны, как и самый «кумир революции» («Крушение кумиров», стр. 1–19). Для С. Франка, таким образом, и большевизм и антибольшевизм одинаково нехристианские кумиры, только с разными знаками.

Н. Бердяев, высказывающий ряд ценных мыслей, произносимых тоном какого-то пророка, считает существом русского православия его апокалиптический характер. А в виду такого существа, русского религиозного духа, по мнению Н. Бердяева, русскому сознанию дано раскрыть не что-либо положительное на земле, а лишь «неудачу истории, раскрыть неудачу всех исторических свершений и осуществлений» (Проблема, стр. 133). Это также есть некое принципиальное «апокалиптическое» уравнение большевизма и антибольшевизма.

«Во мне все кричит против ложно-христианских зовов» – продолжает далее А. Билимович. – «Это попытка ссылками на несотворение себе кумира, на апокалипсис и будто бы глубинную сущность христианства и православия соблазнить русских людей и отвратить от большевиков поднимающийся на них меч. Это под видом служения Христу **охрана**

большевиков и закрывание глаз на их неслыханные преступления, на продолжаемое ими уничтожение неисчислимых жертв⁴.

Только не изжитые до конца остатки революционной психики могли позволить С. Франку увидеть в большевизме и анти-большевизме – в величайших насилиях над русским народом и стремлении освободить его от насильников – **явления одного и того же порядка**, лишь с разными знаками.

Лишь неспособность понять, что призвание русского народа не только умирать (во славу ли коммунизма, или для его опровержения, или для исполнения апокалипсических предчувствий), но и жить, устраивать и развивать свою жизнь, развертывая свои национальные дарования и этим прославлять Бога, – заставляет Н. А. Бердяева в каких-то ужасных гримасах неустанно подчеркивать апокалипсическое призвание нашего народа».

Сугубая же опасность этих ложно зовущих друзей, – вернее, водителей, попавшего в их сети, Митрополита Евлогия, – заключается не только в их таинственной организации, направленной к захвату Русской Церкви, но и в прикосновенности их к вредным для Православия течениям, в выдвигании опасных учений.

Главные из нынешних зарубежных «церковников» играли видную роль и в предреволюционное время, как об этом повествуют бытописатели тех годов.

В 1923 году в Берлине издавался журнал «Эпопея», в котором писатель Андрей Белый печатал свои воспоминания о поэте Александре Блоке.

И Андрей Белый и Ал. Блок были близки к тем религиозно-философским кружкам, кои «искали в начале XX столетия каких-то **откровений**», создавали особые организации, по типу теперешнего «Братства Св. Софии». Белый говорит, напр., о петербургском Религиозно-Философском обществе, в котором, наряду со светскими писателями Розановым, Мережковским, Успенским и **А. В. Карташевым**, принимали участие и такие лица, как создатель «Живой церкви» тогда епископ Антонин. Андрей Белый подробно описывает далее, создавшееся при участии его, Блока, С. М. Соловьева и других, братство «Аргонатов», поклонявшихся культу Софии, о котором, столь почитаемый тогдашними и нынешними «церковниками», философ Владимир Соловьев писал: «Знай же **женственность** ныне в теле нетленном на землю идет. В свете немеркнущем. **Новой Богини** небо слилось с пучиною вод» (стр. 163. т. 1 «Эпопеи»). «Это же», пишет Белый, «суть слова Штейнера при открытии

Антропософского общества; **антропософия исследует жизнь человека в Софии**. Могу я сказать с точки зрения антропософии и писем Блока ко мне: содержанием этих писем являлись **проблемы антропософии**» (стр. 163).

«А. А. (Блок) подчеркивает», – излагает далее Белый, – «основные догматы христианства: троичность и непорочность зачатия необходимо с ней связаны, так **женственное начало** стоит перед нами то в символе мудрой Софии, то в символе Богоматери».

«Стало быть: в свете ее дуновения **догматы христианства теряют свой прежний, свой замкнутый догматический смысл**: это – фазы Ея протечения в сознании нашем. Отсюда растет и потребность: раскрыть отношение Ея к символизируемым: София, «Мария»; и во вторых вскрыть естественную соотносительность символов».

«Наконец, А. А. Блок признает важность разницы в восприятии Ея и Христа. Христос – Добрый; и Он для всех. **Она – ни добра, ни зла**: «окончательно»: в окончательности – Непожвижна. **Она** для А. А. – **значительнее Христа**; и «**Она**» – **ему ближе**. В таком положении **идея Софии** как бы **над Христом**. А. А. суживает идею космичности Христианства: берет христианство в одном лишь разрезе истории; его и Христос – есть Петров. Он – не Логос Иоанна: и потому-то естественно принцип «Jesus» – гипертрофирует он; принцип «Christus» естественно атрофирует; так идея Христософии (София лишь риза Христа) – оттолкнута Блоком; Христософия – София: Христос внутри этой идеи и, как Иисус, ограничен морально и временем; неприятием космического Христа. А. А. вкладывает логическое начало мира в Софию; Она у него неминуемо сближена с «Мэтис»⁵ офитов; заложен соблазн; и – изменение Ея «лика» (стр. 165–166, т. I).

Приведя это «замечательное» письмо, изобилующее и дальнейшими определениями Софии, Белый указывает, что трудно в целом характеризовать переписку. «Ведь письма написаны на особом труднейшем **жаргоне**, который был свойственен нам, молодым символистам; «жаргон» был сначала **совсем непонятен для публики**; мы это знали и соблюдали известный «эзотеризм», **умалчивая перед «внешними» о подлинном содержании наших идейных стремлений** все письма пестрились словечками, мыслеобразами переживаний, **доступных не всем**. Почитайте вы «Третий Завет» А. Н. Шмидт⁶; и там найдете **ключи** к очень многим вопросам тогдашнего Блока; **ключи доселе понятны не всем**; так **понятны С. Н. Булгакову, В. И. Иванову, Н. А. Бердяеву, свящ. П. А. Флоренскому**: непонятны оне очень многим

из литературных собраний А. А. С ними он не пускался, конечно, в сферы гностических тем» (стр. 167, т. I)².

Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков были гостями на воскресеньях «аргонавтов», устраивавшихся Андреем Белым. «За столом собирались до 25 человек; музыканили, спорили, читали стихи; по почину **всегда одержимого Эллиса** часто сдвигались столы и начинались танцы, пародии, импровизации» (стр. 179).

Необходимо прочесть весь длинный очерк Белого, посвященный Блоку, чтобы увидеть до какого падения дошел последний в своем учении о «Софии». Временами Блок говорит еще о церкви, в которой, по словам Белого, тот «еще» нуждается, «как в существенном знаке» (стр. 126, т. 2). В конце же концов Блок воспекает... Люцифера (Сатану) (стр. 285, т. 2).

С. Н. Булгаков, по сообщению Белого, принимал участие в 1904 и последующих годах, в «Христианском братстве борьбы», которое занималось таким мерзким делом, как печатание воззваний с черным крестом и расклеивание прокламаций к духовенству и войскам (стр. 229, т. 1; стр. 237, т. 2).

Оказавшийся за границей С. Н. Булгаков, понимавший гностический «жаргон» Блока и Шмидт и под знаком креста революционизировавший народ, ставши к этому времени протоиереем, главою Братства Св. Софии, из профессора экономических наук превратившийся в преподавателя **догматического** богословия в Богословском Институте – принялся, при посредстве издательства Имки, печатать свои соблазнительные труды.

Прот. С. Булгаков в речи, сказанной им 7 июня 1926 г. на акте Парижского Богословского Института, в присутствии Митрополита Евлогия, речь эту приравнявшего, превратив Преп. Сергия Радонежского в игумены «Парижские и иных стран», прикрыв бездоказательно именем Преподобного свои учения, по своему изложил и догмат Св. Троицы.

«Каждая впостась не хочет оставаться в себе, быть для себя впостасью, она не только смотрится, но существенно из себя исходит в другую впостась, или, вернее, в две другия впостаси: в **ты** и в **он** и **ты**, и в них обретает не только **ты** и **он**, но и **я**, другом – свое **я**, – в **не-я**, которое становится не только **со-я**, но и прямо **я**. В Святой Троице совершается то, что неместимо для тварного сознания: не и **из я**, незыблемо остающегося на своем месте, исходит к **ты** и **он**, но само **я** из себя исходит, как бы в жертвенности гасит свой светильник для того, чтобы он возгорелся в другом или других (двух). Божественная Впостась осуществляется предвечным актом впостасного самоугашения для возгорания в другом, для другого, через другое. Это есть впостасность, как акт, как

самополагание для через самоотдание, самоугашение» (стр. 10 «Путь» № 5, октябрь-ноябрь 1926 г. Издание Религиозно-Философской Академии).

Договорившись до **самоугашения Vпостасей** протоиерей Булгаков написал также ряд трудов по поводу «Софии». В послании Архиерейского Синода от 18/31 марта 1927 г. содержится осуждение трудов протоиерея Булгакова, посвященных «Софии». В трудах этих возвещается «новое учение о Софии, как о **женственном** начале Бога. Иногда это женственное начало является у них⁸ особым существом, или Vпостасью, хотя не единосущным Св. Троице, но и не совершенно чуждым Ей. А иногда – не Vпостасью, а как они выражаются, vпостасностью, которая, однако, способна vпостазироваться, не становиться Vпостасью. При чем, в первом случае София является у них существом превысшим Богоматери, от Которой приемлет даже почитание, а в последнем она почти отождествляется с Богоматерью».

Имя другого «религиозного» деятеля современности **Н. А. Бердяева**, – тоже посвященного в гностический «жаргон» тогдашнего софианца Блока – часто встречается в воспоминаниях Белого. Н. А. Бердяев с женой указаны также В. В. Розановым в числе тех лиц, которые в 1905 году, вместе с ним, Ремизовым и др., приглашены были в Петербурге **ночью** к еврею поэту и философу Минскому, в его квартиру, в доме Полякова, на Английской набережной, «со специальной целью испытать **причащение человеческою кровью**» и на собрании **присутствовали**. Кровь, действительно была получена от укола еврея музыканта и какой-то еврейки, разболтана в стакане и **выпита всеми присутствующими** (стр. 141–142; В. В. Розанов: «Отношение евреев к крови», СПб, 1913 г.).

Об этом «радении» упоминает и Белый: «З. Н. (Гиппиус) жаловалась на ужаснейший хаос идей, поднимаемый «средами», приводило в негодование ее очень глупое «действие», совершенное где-то, когда-то: литераторы, восхотевши «мистерии» и «оркестры», составили **хоровод** и кололи какого-то литературного адвоката булавкою; **выжав кровь, распивали с вином**, называя это глупое действие «**Дионисовым Действом**»; называли тогда имена литераторов, даже философов» (стр. 144–145, т. 3).

Культ Диониса обстоятельно изложен членом «Братства Св. Софии» Н. С. Арсеньевым в № 5 журнала «Путь» (стр. 67 и дальнейшая). Культ Диониса, по отзыву Н. С. Арсеньева, связан с натуралистическим культом; в культе Диониса натуралистическая стихия прорывается «бурно, страстно, со всепревозмогающей, неудержимой силой, принимает характер одержимости, изступления». Дионис, окруженный сатирами,

силенами, нимфами, менадами, приходит к объатым священным упоением, восторгом изступления вакханкам (иногда является в виде быка или козла). Под звуки фригийской флейты начинается «безумная, вихревая пляска» изступленных и оне «пляшут, пляшут, покуда не падают в изнеможении». Еврипид описывает песню таких изступленных: «И-о! И-о! Царь наш, владыка наш! О, поспеши в наш хоровод, Бромий, о Бромий» (стр. 67–70). «В этих оргиях Диониса душа сливалась с великою жизнью Природы в момент ее величайшего напряжения, подъема, воплощенного в образе чаровника бога, бога юных, ликующих, стихийно-могучих сил, бога прозябания и оплодотворения (Dionysos, Anthios, Phytalmios), бога жизненного избытка. Отдаться ему, чувствовать себя лишь безличной струйкой в этом всеувлекающем потоке природного экстаза, напиться этого опьяняющего напитка – не только дионисовского вина, но и светлого, жизненного восторга, раствориться в этой огромной, безбрежной, всеохватывающей, стремительной и радостной Жизни! Вот ответ изсохшей, измученной душе» (стр. 71).

Бог Дионис каждый год регулярно погибал трагической смертью. Его поклонницы, изступленные менады, его разрывали на куски; точно так же растерзывались и дионисовы герои. Установлен был особый ритуал: «ежегодно, или каждые два года, заживо разрывалась поклонниками на куски священная жертва, отождествлявшаяся с самим богом. И тут же, в сыром виде она ими и пожиралась, еще теплая, еще дымящаяся кровью, подобно тому, как, например, титаны, согласно мифу, пожрали Диониса» (стр. 71). Жертвы сначала бывали человеческие, потом – бычки, козлы, молодые олени. «Дикое пожирание кровавого мяса поклонниками Диониса носило характер сакраментальный: это было, повидимому, наглядное приобщение к божественной жизни, к божественной сущности воплощенного в жертве бога. И в этом была цель всех «оргий», всего «экстаза»; обстановка ночи в диких горах, оглушительная, опьяняющая музыка, бешеное верчение, пляски и выкрики – все это приводило к самозабвению, к потере обыденного сознания, выводило из себя, а «выходили из себя» верующие для того, чтобы встретить бога, чтобы воспринять его в себя, чтобы слиться с ним в общую, нераздельную жизнь. Бог отождествлялся со своими поклонниками, входил в них в момент оргиастического экстаза и жертвенной трапезы; поэтому, они сами являются воплощенными Вакхами, носят одно и то же имя с богом. «Богом одержимые женщины», так называет вакханок Софокл» (стр. 72).

«Христианские апологеты говорят об «омофалии», т. е. сакральном растерзании и вкушении сырого мяса животных, как об обряде,

существовавшем еще в их время в оргиях Диониса; то же явствует, например, и из слов Плутарха (конец I начало II века по Р. Х.). Климент Александрийский (в конце II века) пишет: «Вакханты оргиастически чтут «неистового» Диониса», справляя его неистовый культ через пожирание сырого мяса; они торжественно раздают мясо убиенной жертвы, обвивая головы змеями и испуская крики: «Эвоэ». Так и апологет Арнобий (в начале 4 века) говорит, обращаясь к язычникам: «чтобы показать, что вы полны божеством и могуществом его, вы разрываете окровавленными устами внутренности бляющих козлят». Из слов Формика Матерна, христианского апологета середины 4 века, видно, что до самых последних времен античного мира, на острове Крите, сравнительно захолустном и диком, справлялись оргии Диониса: «Критяне разрывают зубами заживо быка и симулируют безумие изступленной души, оглашая чащи леса неистовыми криками» (стр. 73–74).

В двадцатом веке «радения» совершались не в лесах, а в петроградских гостинных и отдельных кабинетах ресторанов. Кровь «культурно» вытачивали и пили с вином. Пляски, хороводы – сохранились. Мэнад, вакханок – заменили философы, артисты, поэты, – те, кто пытается ныне учить нас Православию!

Ныне участник подобных «радений» Н. А. Бердяев то же, по благословию Митрополита Евлогия, обучает в Богословском Институте будущих священников и занимается особенно озлобленной печатною руганью против «Карловацкого епископата». Да и вообще он борется против епископской власти, пока щадя Митрополита Евлогия, которого считает «орудием Высшей Воли». Статья Бердяева в № 5 «Пути» под названием «Церковная смута и свобода совести» полна возмутительных выпадов против соборного строя Православной Церкви. Обуюнный гордыней, воспевая гимн особо им понимаемой свободе совести Бердяев пишет: «Против моей свободной совести я никогда и ничего не приму, **не приму и Самого Бога**, ибо Бог не может быть насилием надо мною. И мое смирение перед высшим может быть лишь просветлением и преображением моей свободной совести изнутри, лишь таинственным приобщением моим к высшей реальности. **Даже вселенский собор, высший орган православия, не обладает формальным авторитетом.** Вселенский Собор не обладает формальными и юридическими признаками, чувственно уловимыми, он не имеет законнической природы» (стр. 45)⁹. Один православный может быть более прав, чем преобладающее большинство епископов» (стр. 43).

«Мы присутствуем в истории православной Церкви при окончании и

ликвидации не только петровского синодального периода, **но и всего константиновского периода** в истории христианства и при начале новой эпохи в христианстве. **Церковь по новому** должна будет определить свое отношение к миру и к совершившимся в мире процессам» (стр. 48).

«Народы устали от **условной лжи внешней церковности**, символически освящавшей жизнь без реального ее преобразования и улучшения» (стр. 52).

Прочитав эти измышления Бердяева Владыка Иннокентий, Архиепископ Пекинский, в письме своем от 23 декабря 1926 г. (за месяц до прещения Митр. Евлогия) к Митрополиту Антонию, подвергнув критике утверждения лже-учителя, пишет:

«Большой грех на душе Митрополита Евлогия, что он допустил одного из своих прихожан, ближайшего своего помощника и претендента на звание подготовителя кандидатов в священники написать такую статью в «Пути». Если он не поместит лично от себя отзыва об этой статье и не осудит ее, а автора не отлучит от Церкви, то он сам по божественным канонам **должен быть отлучен от общения с епископами и лишен епископского сана**. Это его священный долг обличить зазнавшегося лже-мудреца, большая ученость которого довела его до безумия».

Крупнейшим по своему положению «братом» софианцем является **А. В. Карташев**, бывший приват-доцент Петербургской Духовной Академии, покинувший ее из-за своего религиозного радикализма. Карташев был министром исповеданий в социалистическом кабинете Керенского, на Московском Соборе вел от имени «правительства» кампанию против восстановления Патриаршества. За границей играет политическую роль, состоит председателем либерального Национального Комитета, весьма близок к иудейским кругам. Им было составлено предисловие к книге Ю. Делевского, тщетно пытавшегося опорочить «Сионские протоколы». В предисловии этом Карташев делает наскок на известнейшего издателя полезнейших народных Троицких листков Епископа Никона (впоследствии Вологодского). Карташев сотрудничал в «Еврейской Трибуне». В № 49 от 3 декабря 1920 г. имеется его статья «Антисемитизм и Русская Церковь», в которой он прежде всего защищает священника С. Н. Булгакова от обвинения в погромной агитации в Крыму. «Пошлая связь монархизма с антисемитизмом во всяком случае неприменима к такому благородному, вершинному достижению русской культуры, каким рисуется личность С. Н. Булгакова».

Перу Карташева принадлежат в этой же статье и нижеследующия замечательные строки:

«Последующая московская церковь уже далека от полемики с юдаизмом и от еврейского вопроса вообще. Наоборот, в век гуманизма и реформации, в конце XV века и начале XVI столетия в Новгородско-Московской Руси мы наблюдаем вспышку удивительного культурно-религиозного юдофильства. Просветительное либрпансерство и церковно-протестанский дух выразились в том, что масса передовых и книжных людей среди чиновничества и иерархии с легкой руки новгородских протопопов Дионисия и Алексия, приняли обрезание и впали в ересь, так называемую жидовствующую».

А вот выдержки из «Истории Государства Российского» Карамзина (т. 6) по поводу этого «удивительно культурно-религиозного юдофильства».

«Внутренно отвергая святыню христианства, новгородские еретики соблюдали наружную пристойность, казались смиренными постниками, ревностными в исполнении всех обрядов благочестия, так что Великий Князь (Иоанн III) в 1480 г. взял попов Алексия и Дионисия в Москву, как пастырей отличных достоинствами: первый сделался протоиереем храма Успенского, а второй Архангельского. С ними перешел туда и раскол, оставив корень в Новгороде. Алексий снискал особенную милость Государя, имел к нему свободный доступ и тайным своим учением прельстил архимандрита Зосиму, дьяка великокняжеского Федора Курицина и других. Сам Государь, **не подозревая ереси**, слышал от него речи **двусмысленные, таинственные**, в чем после **каялся** наедине святому Иосифу, говоря, что и невестка его, княгиня Елена, была вовлечена в сей жидовский раскол одним из учеников Алексиевых, Иваном Максимовым». Еретики в 1490 г. провели в Митрополиты своего единомышленника Зосиму. «Мы увидели» писал Иосиф Волоколамский (Волоцкий), «чадо сатаны на престоле угодников Божиих Петра и Алексия, увидели хищного волка в одежде мирного пастыря. Тайный жидовин еще скрывался под личиной христианских добродетелей».

На Церковном Соборе в Москве установлено было, что эти «культурно-религиозные юдофилы» «злословят Христа и Богоматерь, плюют на Кресты, называют иконы болванами, **грызут оные зубами**, повергают в места нечестия, не веруют ни Царству Небесному, ни Воскресению мертвых и, безмолствуя при усердных христианах, развращают слабых».

Сам Митрополит Зосима «соблюдая **наружную** пристойность, **скрытно** вредил христианству, то изъясняя ложно Св. Писание, то будто бы с удивлением находя в нем противоречия; иногда же в порыве искренности, совершенно отвергая учение Евангельское, апостольское,

святых отцов, говорил приятелям: «Что такое Царство Небесное? что второе пришествие и воскресение мертвых? кто умер, того нет и не будет»... Придворный дьяк Федор Курицин и тайные его сообщники также действовали во мраке; имели учеников; толковали им астрологию, иудейскую мудрость, **ослабляя в сердцах веру истинную. Дух суетного любопытства** и сомнения в важнейших истинах Христианства обнаружился в домах и на торжищах: иноки и светские люди спорили о естестве Спасителя, о **Троице**, о святости икон и проч. Все зараженные ересью составляли между собою некоторый род **тайного общества**, коего гнездо находилось в палатах митрополитовых: там они сходились умствовать и пировать. **Ревностные** враги их заблуждений были предметом **гонений**: Зосима удалял от церкви многих священников и диаконов, которые отличались усердием к православию и **ненавистью к жидовскому расколу**: «Не должно (говорил он) злобиться и на еретиков: пастыри духовные да проповедают только мир» (Н. М. Карамзин, т. 6, стр. 172–175, изд. А. С. Суворина. СПб).

Зосима был посрамлен и изгнан. **Церковь** была спасена твердостью Архиепископа Новгородского Геннадия и св. **Иосифа Волоцкого**, к которым **А. В. Карташев** в статье своей относится с нескрываемой антипатией.

Карташев был **назначен** Митрополитом Евлогием Членом Епархиального Совета и является его ближайшим советником.

Перу Карташева принадлежит статья «Реформа, реформация и исполнение церкви», напечатанная в евразийском сборнике «На путях» (книга 2, 1922 г.) и вызвавшая строгое осуждение Архиерейского Синода в постановлении его от 18/31 марта 1927 г.

Тоньше других своих сподвижников ведет свою «работу» Карташев. Статья его – это паутина, в которую могут попасть и легкомысленные верующие. О церкви в ней говорится часто с нарочито подчеркнутым почтением. Но чувствуется, что наша Православная **Церковь** для Карташева нечто отмирающее... Главное для него – это долженствующее воскреснуть в Церкви пророчество – этот, по его словам, «внутренний источник подлинного обновления, новых откровений и истинного разрешения на движение» (стр. 85) Но на пути этому «пророчеству» в Церкви станет иерархия («Карловцы» и, конечно, подвизающиеся в России истые подвижники – иерархи – поясним мы). «Ясно», пишет Карташев, «что иерархический авторитет священства в церкви не терпит пророчества, как благоустроенное государство не терпит анархизма. По человечеству думаем – иерархия признать себя **недостаточной** для

выполнения исторических задач христианства не может. Следовательно пророческое движение, пророческое творчество в Церкви как будто мыслится переливающимся за грани канонической дисциплины» (стр. 96)¹⁰.

Об этой – освященной авторитетом священства Церкви – очевидно и говорит Карташев: «Надо иметь слишком много духовной грубости, чтобы болезненно не чувствовать трагизм разрыва Церкви с жизнью и культурой. Все невидимое и не творящее истории еще подвластно, по инерции, Церкви; но, увы, все творчески-живое, передовое, действительно увлекающее, чарующее, поистине господствующее, носящее на себе печать молодости и таящее в себе залог будущего, не может поместиться в Церкви и для исторического творчества, ради человечества **выходит из нея**¹¹. Никто религиозно не слепой не отрицает, что Церковь при этом продолжает сиять неувядаемым внутренним великолепием, все тем же притягательным, необычайным, идущим с небесных высот светом **вечерним**. Но дух человеческий не вынося безконечного **тяготения** на нем багряных **закатных** лучей, снова и снова порывается в противоположную им темную сторону востока¹², ища там новой, встречи с утренними лучами вечного дня». «**Духовный разрыв с Церковью** идет по линии вопросов, известных каждому культурному человеку. Всякий знает, что он не находит в Церкви удовлетворения своему разуму, своей свободе, своему творчеству и освобождению общественному» (стр. 59).

«Перед религией и ближе всего перед христианством и Церковью встали по всем категориям религиозного интереса **новые задачи**. Несчастливая слепота – думать, что их можно разрешить старыми средствами. **Ссылки на святоотеческие творения тут не помогут**. Это обычное ограничение полуучеными справками с документами патристики и каноники пред лицом непрестанно развивающейся жизни и в человеческом духе и во всем Божьем мире производит какое-то совсем странное и даже обидное впечатление» (стр. 69). Проблему личности, по мнению Карташева, нельзя разрешить: «ни текстами, ни справками, **ни одним опытом святых отцов**, потому что в их время той личности, **какая стоит теперь перед религией**, еще не было и не могло быть без всего последующего исторического процесса» (стр. 77).

Андрей Белый в своих, упоминавшихся выше воспоминаниях о Блоке, постоянно вспоминает А. В. Карташева, принимавшего участие в называвшихся тогда «религиозно-философскими» на самом деле сектанских кружках. Рассказывая про «Дионисово действо» у Минского, с устраивавшимся там ритуальным «хороводом», Белый через несколько

страниц упоминает, как «хороводил», и нынешний учитель юношества и член «Епархиального Совета».

«Раз даже», пишет Белый, «обедали вместе (А. В. Карташев, «Тата-Ната», я, Ремизовы) – в кабинете у Палкина; пили вино; и А. В. (Карташев), приподнявшись, стакан протянув, вдруг запел своим тенором, в пении закрывая глаза, точно птица: «Вы жертвою пали в борьбе!..». А. М. Ремизов¹³ предложил поводить **хоровод**; мы, смеясь, поводили; потом, – заходили сниматься; снялись; дней через десять уехал я, где эти снимки – не знаю» (стр. 153, т. 3).

Вредные в прошлом, вредные теперь – эти «обновители» Православия, вместе с тем материально поддерживаются **масонской организацией Имкой** (союз христианской молодежи), которая, будучи тесно связана с Христианской студенческой федерацией, содержит оба «богословских» учреждения в Париже, где лица эти обучают, а также финансирует съезды христианской молодежи, где эти «богословы» подвизаются с докладами.

Из-за выявившегося отрицательного отношения Архиерейского Собора 1926 года к Имке и однородным учреждениям, содержащим Союзы христианской молодежи, и произошел откол Митрополита Евлогия от Собора. Защиту Имки и состоящих при ней «богословов» Митрополит Евлогий считал своей первейшей задачей. «Уйдя с Собора», – говорил Митрополит Евлогий на конференции студенческого христианского движения в Клермоне, в июле 1927 года, – «я все же вернулся на то собрание, на котором шла речь о вас, чтобы высказать мое мнение о вашем движении, которое дает мне столько радости и утешения».

В письме о. Льва Липеровского – секретаря русского студенческого христианского движения, – к проф. В. В. Зеньковскому, **просмотренном**, – как об этом говорится, – Митрополитом Евлогием, прямо сообщается, что одной из причин ухода Митрополита Евлогия с Собора было отношение последнего к студенческому христианскому движению (Вестник Русского Студенческого Христианского Движения в Западной Европе, № 9, 1926 года).

Это «христианское» движение упорно не хочет, работая среди православных, назваться православным и недавно еще находившийся в Париже глава всего этого движения Джон Мотт 14/27 марта 1927 года заявил на публичном докладе, что истинной целью Имки является поддержание интернационального движения т.-е. поглощение православия религиозным интернационалом.

Вселенская Патриархия против Русской Патриархии

Выяснив, на какие силы опирается Митрополит Евлогий, необходимо указать, у кого ищет он защиты в своих противоканонических действиях.

Близкая к Митрополиту Евлогию газета «Возрождение», 11-го марта 1927 года оповестила читателей о заслуживающем «величайшего внимания» отзыве Вселенского Патриарха, высказавшего свое одобрение Митрополиту Евлогию. Митрополит Евлогий со времени начала смуты стал искать защиты в Константинополе, что весьма показательно для иерарха, постоянно выставляющего себя исполителем «заветов» Патриарха Тихона.

После живоцерковцев никто не доставлял столько тяжких огорчений почившему Святейшему Патриарху, как Вселенская Патриархия. Ея распоряжением, в попрание священных канонов, были отторгнуты от Российской Церкви ряд епархий. Но Вселенская Патриархия на этом не остановилась. Она пожелала подчинить себе все русские православные церкви за границей и пыталась низвергнуть Патриарха Тихона.

В «Церковных Ведомостях» (№№ 7 и 8, за 1925 год), была напечатана грамота Патриарха Тихона Вселенскому Патриарху, в которой Святейший твердо возражал против намерения Вселенского Патриарха послать в Россию свою миссию для исправления дел Русской Церкви. Вот подлинные слова Патриарха Тихона:

«В инструкции членам миссии одним из главных пунктов является пожелание Вашего Святейшества, чтобы я, как Всероссийский Патриарх, «ради единения расколовшихся и ради паствы, пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления Церковью, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы одновременно упразднилось, хотя бы временно, Патриаршество, как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»... Прочитав указанные протоколы, мы не мало смутились и удивились, что Представитель Вселенской Патриархии, глава Константинопольской Церкви, без всякого предварительного сношения с нами, как с Законным Представителем и Главой всей Русской Автокефальной Церкви, вмешивается во внутреннюю жизнь и дела Автокефальной Русской Церкви. Священные Соборы (см. 2 и 3 Параграфы II Вселенского Собора и др.) за епископом Константинопольским признавали всегда и признают первенство пред

другими автокефальными Церквами чести, но не власти»...

Глубоким возмущением всех, не утративших тогда еще национального достоинства русских людей встречено было последовавшее в 1924 году распоряжение Вселенской Патриархии, объявленное в Константинополе Архиепископу Анастасию, о прекращении возношения за богослужением, наряду с Константинопольским Патриархом, **имени Патриарха Тихона**, о прекращении **осуждения в церковной проповеди советской власти**, прекращения всяческой связи с Архиерейским Синодом.

В те же времена Вселенская Патриархия стремилась подчинить церкви Западно-Европейской епархии Митрополиту Фиатирскому Германосу (проживающему в Лондоне).

«Вселенский предатель», так называлась передовая статья в газете «Новое Время» (№ 942), от 18-го июня 1924 года. Отметив враждебные действия Патриарха Григория VII против Влалыки Анастасия, указав на закрытие русских церквей в Афинах и Чехо-Словакии, «Новое Время» писало, что Патриарх Григорий VII «за мзду, предложенную ему со стороны палачей Христа, от волков, поедающих паству его, сам взял в руки молот и стал вбивать гвозди в Тело Христово и загонять свою паству в волчье логовище. Действительно, в мир пришел Антихрист! И эта **связь Григория VII с большевиками точно установлена**. Вся турецкая печать рассказывает, что в Константинополе у русского адвоката Полянского, консультанта по бракоразводным делам при греческом церковном суде, при обыске были найдены документы, устанавливающие самым определенным и неопровержимым образом, что **Полянский был агентом большевиков** и посредником между ними и Константинопольским Патриархом. Полянский в настоящее время арестован, а Патриарх, как утверждают турецкие газеты, будет выслан из пределов Турции. Так, влиятельная турецкая газета «Вакант», как передают «Дни», пишет по этому поводу следующее: «Теперь установлено, что **Патриарх вступил в контакт с большевиками, исполняет их директивы и ведет кампанию против русского духовенства**».

«Омерзительнее этого нравственного падения», продолжало «Новое Время», «как пала греческая патриархия, трудно что-либо себе представить. Это поступок Иуды, но Иуда нравственнее подобных предателей уже тем одним, что он не вынес предательства и повесился. А этот хочет благоденствовать и занять место Патриарха Тихона. По крайней мере о возможности подобного исхода сообщают советские газеты».

«Новое Время» в том же номере приводит пространную выдержку из

«Дэйли Телеграф», говорящем, что «все это дело – афера между так наз. «живою церковью» в России и церковными властями в Константинополе, афера, которая была подготовлена **советским «послом» в Константинополе Сурицем**. Русская Церковь была в течение многих столетий независимой от Вселенского Патриарха. Теперь Григорий рад воспользоваться случаем, чтобы проявить свой авторитет над русскими церковными делами, авторитет, который не существовал, начиная с 17 столетия».

«Последняя Новости», ныне тоже радующаяся поддержке Вселенской Патриархии в борьбе Митрополита Евлогия против препятствующего завоевательным стремлениям Патриархии канонического Архиерейского Собора – 12 июля 1924 года, в № 1293, поместили статью под громким названием «Константинопольский папизм и московское раболепие».

«Мне не раз приходилось говорить, как о Константинопольских, так и о Московских церковных событиях, но до сих пор касался я каждой темы в отдельности. Москва являлась как бы внутренним миром русского Православия. Константинополь – тем зарубежным для России центром восточной церкви, откуда можно было ждать помощи и сочувствия, но откуда постепенно выявлялось недоброжелательство и нападки».

«В данное время положение изменилось, карты оказались открытыми, и две стороны слились в одну, так как оказалось, что за кулисами, в тайниках чека и в канцеляриях вселенской патриархии, оне уже давно были связаны крепкими узами и условиями взаимного перестрахования. И если, как теперь известно, красный синод, во главе с митрополитом Евдокимом, услужливо предлагал Константинополю Одессу и Киев или даже Москву в случае, если турки покончили бы с патриархатом в Константинополе, то в свою очередь и патриархат готов покрыть своим вселенским авторитетом союз красного синода с большевицкой «чекой» и его борьбу с Патриархом Тихоном».

«Создающих кучу двое», – говорилось дальше в «Последних Новостях», – «советская власть и Константинопольский Патриарх. Валяющихся в ней – сколько угодно. Имя им легион: здесь и красный синод, во главе с Евдокимом и Синод Константинопольского Патриарха, **грек – митрополит Фиатирский**, живущий в Лондоне и **тайно ведущий переговоры с советской властью...**»¹⁴.

«Теперешний Патриарх Григорий VII окружен последователями и ставленниками предшествовавшего Патриарха **Мелетия IV**, изгнанного из Константинополя турками за его греческую мегаломанию. Цель Мелетия была ясна – он шел к восточному папству и претендовал не только на

«первенство чести» среди всего восточного Православия, но и на «первенство власти». Не знаю, простирались ли его честолюбивые мечты до догмата непогрешимости, но что он требовал себе «неограниченности» в православном мире на всем земном шаре¹⁵ и, в силу этого, ограничивал все остальные автокефальные церкви пределами их национальных государств, – это Мелетий проповедывал открыто. Григорий VII послушно идет по пути Мелетия IV и на этом пути ищет себе союзников и покровителей».

По поводу неправильных действий Вселенской Патриархии обращались с воззваниями к пастве 7/20 июня 1924 года временно исполнявший обязанности Председателя Архиерейского Синода Феофан, Архиепископ Полтавский и Митрополит Евлогий. Последний в пространном обращении, от 23-го июня (6-го июля) 1924 года, № 903, возражал против притязаний Вселенской Патриархии и на основании 37 правила Трульского (VI Вселенского) Собора – ныне Митрополитом Евлогием не признаваемого – доказывал полноту прав «епископов-беженцев», указывал, что высшей инстанцией Русской Церковной Власти Заграницей является Собор Епископов.

«Новое Время», в № 942, от 18 июня 1924 года, в статье «Поход на Православие» сообщало, что в Париже, под председательством Митрополита Евлогия, состоялся ряд заседаний Церковного Сопещения для обсуждения вопроса о домогательствах Вселенской Патриархии по расширению пределов своей власти и о связи Патриархии с советской властью.

* * *

В заседаниях принимали участие: «Архиепископ Анастасий, прот. о. Н. Сахаров, прот. о. Г. Спасский, архимандрит Иоанн, кн. Г. Н. Трубецкой, Е. П. Ковалевский, Н. И. Шидловский, А. В. Карташев, И. П. Демидов, И. В. Никаноров и Т. А. Аметистов».

В «Церковных Ведомостях» за 1924 год (№№ 15 и 16, 17 и 18, 21 и 22 и далее) по поводу притязаний Вселенской Патриархии помещена была статья известного канониста проф. С. Троицкого под названием: «Дымное надмение мира и Церковь». В статье этой проф. С. Троицкий доказывает необоснованность требований Вселенской Патриархии. Разбивается им и усвоенная ныне Митрополитом Евлогием теория о безправности «епископов-беженцев». Проф. С. Троицкий доказывает, что по 134 правилу Карфагенского Собора (Пидалион 30, Кормчая 120) епископы «простирают свою власть» не на известную территорию, а «на люди». Епископы, переселившиеся со своею паствою, – писал проф. Троицкий, –

«и в пределах других Церквей должны сохранить свои иерархические права и образовать особую автокефальную Церковь» (Афинская Синтагма II, 384; III, 154–156, 275).

«Это-то правило и является непоколебимым основанием в пользу существования независимого от местной Церковной власти Русского Архиерейского Синода за границей; и никакая власть, кроме Вселенского Собора и Русского Высшего Церковного Управления, не может, не нарушая канонов, закрывать этот Синод». Существование Синода, по утверждению проф. Троицкого, покоится на постановлении Патриарха Тихона, от ноября 1920 года, за № 362, против чего ныне, как известно, пытаются возражать парижские «церковники».

Как видно из изложенного, все – и Патриарх Тихон, и Архиерейский Синод, в лице Архиепископа Феофана, и Митрополит Евлогий, и канонист проф. Троицкий, и печать – возставали против противоканонических требований Вселенской Патриархии и попыток ее, под влиянием большевиков, вмешаться в дела Русской Церкви.

И теперь Митрополит Евлогий пытается опереться на ту же Вселенскую Патриархию, обращается к ней. Газеты же, верно обличавшие тогда Вселенскую Патриархию, зависимую от милостей большевиков¹⁶, радуются теперь ее ударам, наносимым каноническим Архиерейским Собору и Синоду.

Патриарх Мелетий и митрополит Хризостом – насадители «догматов современности».

Газеты, поддерживающие мятеж Митрополита Евлогия («Возрождение», «Последняя Новости» и др.), радостно поместили ответные к нему письма Александрийского Патриарха Мелетия и Афинского Митрополита Хризостома, полные выпадов против Архиерейского Синода. Резкий отзыв «Последних Новостей» о Патриархе Мелетии (тогда Вселенском) мы приводили выше. Газета Милюкова тогда справедливо обвинила его в том, в чем теперь приветствует. Патриарх Мелетий хочет сокрушить русскую каноническую церковную власть за границей и, конечно, – добывающийся того же, Митрополит Евлогий – его **сегодняшний** союзник.

Много раздора, соблазна внес в Православие Патриарх Мелетий, возглавляя раньше Вселенскую Патриархию. Интимный друг Венизелоса, через него тесно связанный с масонством, ярый проводник греческой церковной идеи и поэтому противник исторической России из-за ее церковного влияния на Востоке. Патриарх Мелетий отличался малоцерковностью и пытался внести особую реформу в Православную Церковь. Это им в 1923 году была созвана в Константинополе Междуправославная Комиссия, переименованная затем Патриархом Мелетием во «Всеpravославный Конгресс». На конгресс¹⁷ этот – не признанный остальными Патриархами – Патриарх Мелетий внес ряд радикальнейших предложений. Конгресс принял новый стиль, установил второбрачие духовенства, внес изменения в духовной одежде и т. п.

О настроениях Патриарха Мелетия и о связи его с масонством легче всего судить по тому, что чисто канонический вопрос об изменении церковного времяисчисления «конгресс», по его предложению, передал на рассмотрение... Лиги Наций!

Архиерейский Синод в Сремских Карловцах постановлением своим, от 25-го июля (7-го августа) 1923 года, отрицательно отнесся к решениям этого «конгресса» («Церковный Вестник», № 17 и 18, 1923 г.). Не признали его и прочие Православные Церкви. Крупнейший же, всеми почитаемый представитель Православия, недавно почивший Патриарх Александрийский Фотий, особым посланием (от 25 июня 1923 года, за № 211) к другому твердому стоятелю за Православие, Святейшему Григорию IV, Патриарху Антиохии и всего Востока, ясно и решительно осудил решения неправославного «конгресса», проведенные Патриархом

Мелетием, нынешним естественным покровителем Митрополита Евлогия.

«Наше отношение», – писал Святейший Фотий, – «от начала к **новаторским** предприятиям некоторых, постоянно склонных к дебатам и возмущениям, уже знает Ваше Блаженство из других прежних сообщений и из нашей телеграммы, в которой, отвечая на братский Ваш вопрос, мы сообщали буквально: «Сообщаем, что рассмотрение вопроса о календаре и о других подобных, считаем в это время неблагоприятным, абсурдным, безцельным», вследствие чего мы и не телеграфировали в Царьград».

Говоря далее о том, что подробный отзыв он хотел дать **на Соборном обсуждении**¹⁸ с Митрополитами возглавляемой им Церкви, Патриарх Фотий сообщает, что вся его во Христе братия признаёт «конгресс» неканоничным и считает вредным и безцельным постановление при таких условиях о реформе календаря.

«О других же вопросах, в которых названная комиссия («конгресс») заблудила, то-есть: а) о втором браке священников; б) о браке епископов; в) о священных службах; г) о посте; д) о препятствиях к браку; е) об объединении англикан, католиков и старокатоликов с Православной Церковью; ж) о периодическом созыве всеправославных конгрессов; з) о возрасте для хиротонии, о волосах и одежде клириков, Святейший Синод нашей Святейшей Церкви:

И вообще, и в частности **отвергает эти изменения священных канонов**, как противные практике, преданию и учению Святейшей Матери Церкви и предложенные **под предлогом как будто легких модификаций**, которые, вероятно, вызываются требованиями **нового догмата «современности»**.

Указывая затем, что на постановления «конгресса» оказали влияние «**светские общества**», что, пахнувшая «**ересью и схизмою**», определения прикрыты «**как бы вуалью**» (знакомая по Парижу картина!), Патриарх так заканчивает свое замечательное послание, сообщенное Всеблаженнейшему Григорию и «**велелепному Собору иерархов около Вас**».

«То, что, **наиблаженнейший во Христе брат**, решил **наш Синод и мы**, имеет в виду авторитет священных канонов, преданий и догматов, в отношении к которым ни на минуту не должно быть допущено сомнения; а их касается самозванный Всеправославный и Междуправославный Конгресс, и чтобы не возмущались совести народов и не поколебались в отеческой вере, но да сохранится, с одной стороны, неприкосновенной и нетронутой их святость, а с другой, да останется непоколебимой и неизменной религиозность народов и в теории, и в практике, пока

Всевышнему Промыслу не угодно будет довести до действительного и истинного Вселенского Собора, который окончательно определит и совершенно обезбеднит нашу святую, неповрежденную веру первых Святых Вселенских Соборов».

Послание это было сообщено Председателю Архиерейского Синода Митрополиту Антонию при грамоте Патриарха Григория IV, от 12 (25) июля 1923 года, за № 952 и напечатано в № 17 и 18 «Церковных Ведомостей», от 1 (14) – 15 (28) сентября 1923 года.

«Что касается Константинопольского Собрания», – писал Святейший Григорий, – «то по поводу его я вел переговоры со Святейшим Фотием, Патриархом Александрийским, и из ответного послания Его Святейшества, от 25 июня с. г., за № 211, копию которого я прилагаю при сем для Вашего сведения, Вы можете иметь определенное понятие о мнениях трех Восточных Патриархов¹⁹, касательно затронутых на Константинопольском собрании вопросов».

Патриарх Мелетий, в попрание канонів, первый подчинил себе, без разрешения Патриарха Тихона, Православные Церкви в Финляндии и Польше. Патриарх Мелетий, письмом от 10 июля 1923 года, пытался обмануть Архиепископа Финляндского Серафима, уверяя его, что новое времясчисление принято в церковном обиходе по общему мнению и решению Православных Церквей («Церковные Ведомости», № 19 и 20, от 1 (14) – 15 (28) октября 1923 г.). Как известно, этим же был введен в заблуждение и Патриарх Тихон, отдавший распоряжение о введении нового стиля, вскоре им – по выяснении через Архиерейский Синод истины – отмененное.

Все это отлично было известно Митрополиту Евлогию, который, зная истинный облик Патриарха Мелетия, ставшего Патриархом Александрийским²⁰, не постеснялся прибегнуть к его защите и, конечно, получил ее, как тоже нарушитель канонів и попуститель вредных богословских новшеств – столь близких «догмату современности», о котором писал хранитель Православия, скорпостижно скончавшийся Святейший Фотий, друг истинно-церковной и исторической России.

Афинский митрополит Хризостом, ближайший друг и идейный единомышленник Патриарха Мелетия, проводящий в Греции те новшества, против коих высказывались Восточные Патриархи. В Греции имеет широкое распространение рисунок, на котором Патриарх Мелетий и Митрополит Хризостом изображены старающимися свалить опутанную ими цепями Церковь и посылающие солдат против духовенства, держащегося исконных устоев Церкви.

Митрополит Хризостом проведен республиканскими кругами и, конечно, спешит заявить о своей «аполитичности» в письме к Митрополиту Евлогию, от 22-го марта 1927 года («Возрождение», № 680).

В № 1 и 2 «Церковных Ведомостей», от 1 (14) – 15 (28) января 1925 года помещена скорбная петиция, поданная 12 декабря 1924 года, Обществом Православных Учредительному Собранию Греции, в которой излагаются бедствия, претерпеваемые православными – клириками и мирянами, держащимися крепко святоотеческого календаря.

В заявлении этом указывается, что когда Папа Григорий ввел в Западной Церкви новый календарь и латиняне принуждали православное население, жившее в их землях, к принятию его, то Вселенский Патриарх Иеремия II созвал в 1593 году Собор в Цареграде, в котором участвовали и Патриархи: Иерусалимский Софроний, Александрийский Мелетий Пигас, который заступал и Антиохийского Патриарха, каковой Собор отказался от какого-либо изменения в Юлианском церковном календаре, как противного священным и божественным канонам и нарушениям этого определил в виде наказания отлучение от Церкви и извержение из сана.

«Так как», – писалось в петиции, – «принятие и введение нового церковного календаря и церковного типика является новшеством в Восточной Православной Церкви, а о новшествах VI Вселенский Собор говорит: «Трижды анафема **всякое новшество** и делание против церковного предания и учения и правил святых и блаженной памяти Отцев»²¹.

Тот же VI Вселенский Собор, на стр. 883 второго тома трудов Собора, говорит: «Анафема, если кто нарушит какое-либо записанное или незаписанное предание Церкви». А столп православия Св. Марк Ефесский говорит: «Всякий, кто говорит против того, что заповедано, хотя бы был достоин веры, хотя бы и постил, хотя бы был девственником, хотя бы чудеса творит, хотя бы пророчествовал, пусть будет для тебя, как волк в овечьей шкуре, который причиняет вред овцам» (из его речи против Флорентийского псевдо-собора)».

Действия Митрополита Хризостома православные греки прямо именуют расколом «Церкви извеки наиправославнейшей Греции».

Со вступлением на митрополичью кафедру новатора Хризостома начались гонения на русскую Православную Церковь в Греции и борьба с Архиерейским Заграничным Синодом и управлявшим приходами в Греции Епископом Гермогеном Екатеринославским. Предшественником Митрополита Хризостома Блаженнейшим Феоклитом (монархистом) признавались и Архиерейский Синод и Епископ Гермоген. Удары против

канонической русской церковной власти за границей начались летом 1923 года, со стороны Митрополита Хризостома при полной поддержке и даже по внушению исп. об. председателя «Совета Послов» в Греции г. Якушева и главы этого рожденного революцией учреждения М. Н. Гирса²²; как известно, и ныне дающего своим представителям указания о поддержке Митрополита Евлогия.

Конечно, Митрополит Хризостом только и мог оказаться на стороне, близкого ему по духу и делу, Митрополита Евлогия.

Герман Аав – гонитель Православия в Финляндии

Но и Вселенский и Александрийский Патриархи, и Митрополит Афинский, при всех их крупнейших недостатках и враждебности к Русской Церкви, – являются все-таки епископами, главами Церквей.

Митрополит Евлогий, оторвавшийся от своих собратьев Епископов, не ограничился обращением за помощью только к этим лицам.

За защитой обратился он даже к некоему Герману Ааву, завладевшему незаконно Финляндской епархией. Эстонский священник Герман Аав был без пострижения в монашество и даже в рясофор поставлен во епископы в Финляндии Вселенским Патриархом Григорием VII не только без согласия правящего Архиепископа Серафима, но и вопреки его возражений. Этим попрано было шестое правило I Вселенского Собора, которое говорит: «Аще кто без соизволения своего Митрополита поставлен будет Епископом, о таком Великий Собор определил, что **не должен быть Епископом**».

Этот незаконный «епископ» Аав, получив архиерейский сан, самозванно возложил на себя монашеский клобук и явившись в Финляндию стал захватывать епархию и незаконно доселе правит ею.

Аав имеет вид, непристойный для лица, считающего себя епископом. Он весь выбрит, ходит в светском костюме, на руках носит кольца, посещает театры и кинематографы, по Сердоболу (Сортавала – его резиденция) ходит под руку с лицами женского пола. Все тайные молитвы за литургией читает вслух и вообще стоит за реформу богослужения в сторону лютеранства.

По его же просьбе, Вселенской Патриархией, в полное нарушение священных канонов, было установлено празднование православными в Финляндии Св. Пасхи по латинскому стилю.

Вообще его типичное «живоцерковство» выражено еще более неприкрыто, чем у сторонников православной «современности» на Востоке, описан же он достаточно ясно в «скорбном послании» Митрополита Антония Вселенскому Патриарху Константину от 4/17 февраля 1925 г. за № 2546 («Цер. Вед.» № 11 и 12 (78–79) от 1 (14) – 15 (28) июня 1925 г.).

Герман Аав не признан Русскою Церковью. 28 декабря 1923 г. за № 188 последовал Указ Священного Синода при Патриархе Всероссийском на имя Архиепископа Финляндского Серафима, коим подтверждается нахождение Финляндской церкви в ведении Патриарха Всероссийского

(«Церковные Ведомости» № 3 и 4 от 1 (14) – 15 (28) февраля 1924 г.).

Архиерейский Собор Загр. Церкви имел 10/23 октября 1924 г. суждение, **при участии** Митрополита Евлогия, о положении Русской Православной Церкви в Финляндии. Архиерейский Собор, признав неканоничным устраниение Вселенским Патриархом Архиепископа Серафима от управления епархией, постановил:

«Не признавать Епископа Германа главою Русской Православной Церкви в Финляндии и считать таковым Архиепископа Серафима» («Церковные Ведомости» № 19 и 20 от 1 (14) – 15 (28) октября 1924 г.).

В выпуске же «Церковных Ведомостей» (№ 23 и 24) от 1 (14) – 15 (28) декабря 1926 г. напечатано исчерпывающего содержания заключение Управлявшего Петроградской епархией Преосвященного Иннокентия, Епископа Ладожского, данное монахам Валаамской обители²³.

* * *

«1) Считаю, что Первосвятителем Финляндской Церкви является и должен почитаться Преосвященный Архиепископ Серафим, который может быть уволен только Собором епископов по их суду.

2) Постановление и рукоположение хотя бы Константинопольским Патриархом **эстонского священника Германа Аава**, без согласия и против заявленного в свое время несогласия на то со стороны Архиепископа Серафима есть совершенно недопустимое по канонам дело (I Собора прав. 6). До соборного суждения о нем, Герман **не может почитаться епископом вообще** и тем более епископом Финляндским, как его именуют сейчас некоторые.

3) Переход на новый стиль и особенно празднование Пасхи по новой, западно-римской-католической по происхождению, пасхалии, без суждения о сем Вселенского Собора с одной стороны и при наличии о том определенных канонических постановлений с другой стороны, есть, конечно, **дело крайнего безчиния**, а в данном случае решительно делом выводящее дерзнувших на то из общения и единства со всей Церковью Христовой. Делом самым, самыми переживаниями и воспоминанием великих событий Рождества Христова, Его страстей и Живоносного Воскресения, Герман и прочие с ним **отделяются от Православной Церкви** и предпочитают соединиться с католиками и лютеранами, которые нами могут мыслиться только как еретики. Каноны о Пасхе имеют бесспорно вселенское значение и могут быть изменены только вселенским церковным сознанием.

4) Поведение большинства Валаамских иноков не пожелавших идти на разрыв со всею Церковью Христовой, заслуживает полного одобрения.

Твердость в Православии есть заслуга православного монашества в прошлом. Не нужно жалеть ни стен, ни зданий, надо более всего хранить истину и благодать, данные нам в пришествии Христовом (Иоан. 1, 17).

5) Полагаю, что давление, которое делается сейчас на иноков со стороны Аава, есть в сущности **гонение на Православие** со стороны врагов Православия, лишь прикрытое флагом финского национализма. Думаю, что иноки не должны чуждаться грядущих на них скорбей, как приключения странного для них, читай о сем 1Петр. 4, 12–13, но с радостью принять их, как гонение за истину.

6) Постановления, исходящая от Германа Аава и всех кто с ним, при создавшемся положении не следует принимать, как действительные и канонически обязательные для себя, а посему иноки не должны придавать значения и тому, если они будут по приговору Германа и сущих с ним запрещаемы в сослужении и даже лишаемы сана, но со спокойной совестью, продолжают все свое священное служение и делание, прося руководственных указаний и благословения от Преосвященного Серафима, Архиепископа Финляндского и вознося его имя за богослужением и в келейной молитве.

7) О своем деле и положении они необходимо должны подробно известить и впредь извещать православных иерархов и в частности прежде всего Патриаршего Местоблюстителя, Митрополита Крутицкого Петра, прося их совета и, если они могут оказать, защиты. Таково мое мнение, пока вкратце изложенное мною. Прошу Ваших и ваших собратий св. молитв о мне недостойном.

Иннокентий, Епископ Ладожский.

27 октября (9 ноября) 1925 года».

* * *

В особом письме Митрополит Крутицкий Петр одобрил поведение Валаамских монахов, **не признает Германа за епископа** и убеждает иноков не смущаться наказаний и лишения сана еп. Германом. Советует обратиться к Финляндскому Прокурору и хлопотать об образовании общины со своим Епископом.

Монахи, приезжавшие из России и писавшие из Москвы и Петрограда на Валаам, много раз сообщали, что православные иерархи не признают Аава епископом, а тех, кто с ним имеет общение и подчиняются ему считают **живоцерковниками**. На Валаамском подворье в Москве Митрополит Петр запретил поминать имя игумена Павлина, признавшего Ааву и устраивающего гонения на ревнителей православия.

Безчиния же Германа Аавы не имеют пределов.

«Более году», писали из Финляндии в 1925 г. «как Финляндская Церковь, а с нею и наша обитель находится под гнетом и насилием нового стиля. Не имея законного пастыря, это малое стадо все более укрепляется верою в Бога и борется с насилием попов (Солнцев, Окулов, растрига Садовников, Казанский), что со львами. Эти живоцерковники совместно с епископом Германом издали указ о праздновании Св. Пасхи по новому стилю. Стоны и вопли несутся со всех сторон, в области брожение небывалое. Начальники монастырей коленопреклоненно просили Епископа Германа праздновать Св. Пасху по старому стилю, но тщетно. Они обратились к правительству, но тоже получили отказ, даже приписывают Св. Пасху к политическому делу» («Цер. Вед.» № 5 и 6 от 1 (14) – 15 (28) марта 1925 г.).

Распоряжением Аавы ряд священников и монахов были преданы церковному суду за твердое соблюдение священных канонов о Пасхе и за верность Русской Церкви и ее иерархам. Суд устранял ревнителей Православия, запрещал в священнослужении. Особенно тяжким карам предавались монахи. Их не только удаляли от должностей и запрещали в священнослужении, но разсылали и разсылают по отдельным скитам, лишают возможности совершать богослужения с **поминовением Митрополита Петра и Архиепископа Серафима**.

В 1926 году 17 монахов Валаамского монастыря по настоянию Аава были высланы из монастыря и поселены в глухом месте в бывшем доме умалишенных, где они находились на тюремном положении в очень тяжелых условиях, пока сербы, по просьбе русских иерархов, не взяли их в свои монастыри. Один чтимый иеромонах Поликарп за сношения с Архиерейским Синодом был судим церковным судом, посажен в тюрьму и **выслан в Советскую Россию**. В тяжелых условиях и ныне находятся верные стоятели за каноническую правду в Валаамском и Коневецком монастырях. В Валаамской обители были удалены от должностей: наместник – иеромонах Иоасаф, казначей – иеромонах Иероним, ризничий – иеромонах Митрофан, благочинный – иеромонах Иона, духовник – иеромонах Михаил.

В Коневецкой обители удалено Аавом все монастырское начальство: игумен – Амфилохий, казначей – иеромонах Дорофей, ризничий – иеромонах Серафим; духовник – иеромонах Валентин, благочинный – иеромонах Симон, экононом – иеромонах Пимен.

На Валааме большинство монахов не посещает церкви, т. к. не желает признавать неканонической власти Константинопольской патриархии и Аава. Они вынуждены молиться в часовнях, в лесу или в келиях, но и там

их притесняют и преследуют.

О всех гонениях Аавы на монахов и монастыри Митрополит Евлогий отлично осведомлен, так как с Валаама подробно писали ему, прося помощи и защиты против Аава. Как Член Архиерейского Собора и Синода, участник их постановлений, Митрополит Евлогий прекрасно знает, что представляет собою гонитель православия Аав.

И вот к этому лицу Митрополит Евлогий обратился, как к правящему Епископу с письмом, прося совета и поддержки.

В издающейся в Сортовале (Сердоболе) газете «Утренняя Заря» напечатано следующее:

«В качестве дополнения к помещенной в № 4 «Утренней Зари» в 1927 г. статье под заглавием «Раскол в Зарубежной Русской Церкви» редакция в настоящем приложении помещает полученное Высокопреосвященным Архиепископом Германом письмо Высокопреосвященного Евлогия, Митрополита русских церквей в Западной Европе, от 5 марта с. г.».

Письмо это, начинающееся обращением: «Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь», содержит обычное бездоказательное обоснование Митрополитом Евлогием своих особых прав в Зарубежной Церкви и отрицание прав у «безправных епископов-эмигрантов»²⁴. Все это Митрополит Евлогий излагает Ааву «в твердом уповании услышать Ваш справедливый (!!!) голос в защиту истины» и питает «твердую надежду, что на основании всего вышеизложенного и прилагаемых документов²⁵, Ваше Высокопреосвященство не откажете высказать свое безпристрастное (!!!) суждение о том, что я имею все бесспорные права на управление православными русскими церквами в Западной Европе» и т. д.

Заканчивается письмо так: «Испрашивая Вашего Святительского благословения и молитв, с глубочайшим уважением и братскою о Христе преданностью, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга Митрополит Евлогий».

Заключение

Общая картина столь неприглядна, столь соблазнительна.

Приятие затеянной большевиками «страшной смуты». Роль иудомасонской печати в разжигании раскола. Проникновение в Зарубежную Церковь таинственного «братства Софии» с его жутким прошлым и опасным настоящим. Искание поддержки у врагов Русской Православной Церкви и у соблазненных масонством проводников запрещенных Вселенскими Соборами «новшеств» и «догматов современности». Обращение за «безпристрастным» суждением к лицу, захватившему епископский престол в верной Русскому Патриаршеству епархии...

Все это не мог сделать **по свободной воле** иерарх Русской Православной Церкви. Для совершения всего этого нужна была длительная, злая работа **темной силы**, которая, разрушив Монархию, стремится разрушить и Церковь.

Темной силе страшны правда, свет, ясность. Руководствуясь правдой, мы и осветили эту темную деятельность.

Необходима борьба. Бороться за святую Церковь мы должны сплотившись вокруг канонической власти Архиерейского Собора.

Временными успехами темной силы смущаться не надлежит. Об ея слугах сказал Св. Апостол Петр: «Были и лже-пророки в народе, как и у вас будут лже-учители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель» (2-е послание, гл. 2, ст. 1).

Погибель их неизбежна. «Бог поругаем не бывает» (Св. Апостола Павла к Галатам, гл. 6 ст. 7).

Врата адовы не одолеют Церковь.

Примечания

¹ - Курсив повсюду наш (прим. – автора).

² - Как известно Указ 1922 г., объявленный ныне «Заветом» Патриарха Тихона, церковных вопросов не касался, а затрагивал чисто политический вопрос о выступлении Церковного Собора в Ср. Карловцах против советской власти.

³ - Князь Ник. Сер. Трубецкой, один из основоположников евразийства, племянник князя Г. Н. Трубецкого.

⁴ - Понятна злоба этих «философов» против зовущих к действенной борьбе с большевиками «Карловацких епископов» и поддержка «аполитичного» Митрополита Евлогия. (Прим. – изд.)

⁵ - Мэтис – многообразный всебог язычества – Разум мира. (См. Н. С. Арсеньев, «Путь» т. 5, стр. 77).

⁶ - А. Н. Шмидт, по свидетельству Блока, вообразила себя воплощением Св. Софии, инспираровавшей Вл. Соловьева, с которым она была незнакома (стр. 156, т. I).

⁷ - Об этой непонятности для «публики» надо всегда помнить, читая произведения теперешних «религиозных» искателей.

⁸ - Обличаются вместе с о. Булгаховым и прочие софианцы.

⁹ - Один из неимевших «законнической природы» Вселенских Соборов – шестой (Трульский) – своим 62 правилом запретил торжества, связанные с именем «гнусного» Диониса.

¹⁰ - Ожидающий всего от «пророчеств», считающий последнее несовместимым с церковною дисциплиною, о каком же сознательном отдании своей воли «церковной дисциплине» говорит Карташев, стараясь опровергнуть появившиеся в печати сведения о его принадлежности к масонству. (Письмо в редакцию напечатано Карташевым в № 668 «Возрождения»).

¹¹ - Курсив, как и всюду, наш. (Прим. – автора.)

¹² - Стремление к «Деннице». (Прим. – изд.)

¹³ - А. М. Ремизов, конечно, состоит теперь сотрудником журнала софианцев «Путь». В Москве тогдашние религиозные искатели, как видно по Белому, имели тоже свой журнал под тем же названием.

¹⁴ - На «авторитетный» отзыв этого самого митрополита ссылается запрещенный протоиерей Григорий Прозоров в «открытом письме» своем

в номере 652 «Возрождения». Митр. Германос в присутствии двух сенаторов (вероятно бар. Таубе и Бельгарда, участвующих в Берлинской смуте против законного Епископа Тихона) утвердил – по свидетельству Прозорова, что «Митр. Евлогий стоит на твердой канонической почве».

¹⁵ - Теперь этой «неограниченности» прав в Русской Зарубежной Церкви именно и добивается Митрополит Евлогий.

¹⁶ - Значение большевиков в Константинополе, возможность теми или иными способами давить на Вселенскую Патриархию – теперь только усилились. Недавно еще по требованию большевиков турецкое правительство решило выслать из Турции русских.

¹⁷ - Показательно само наименование «конгресс», вместо Собора.

¹⁸ - В письме этом обращает внимание постоянное – именно православное – упоминание о соборности.

¹⁹ - Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского.

²⁰ - В 1926 году он был избран вторым кандидатом, – первым избран был Нубийский Митрополит Николай – и стараниями таинственных «друзей» утвержден египетскими властями.

²¹ - Правило это полезно сопоставить с приводившимся выше отзывом о святоотеческих сказаниях Члена Епархиального Совета г. Карташева, преподавателя в Богословском Институте.

²² - Изложено в докладе Архиерейскому Синоду протоиерея Крахмалева и члена Епископского Совета кн. Н. С. Путятин.

²³ - Митр. Евлогий, временно управляя Западно-Европейской Епархией исполняет обязанности Епископа Кронштадтского, викария Петроградской Епархии, отчего распоряжения правящего Петроградской Епархии – особенно важны для Митр. Евлогия, всегда говорящего, что только из России он ждет приказаний.

²⁴ - С этими «безправными» епископами в 1924 г. Митр. Евлогий выносил постановление Архиер. Собора о непризнании Аавы.

²⁵ - В числе документов приложено и т. н. «письмо» митр. Сергия, как раз разрушающее все домогательства Митр. Евлогия. Определенный, осуждающий Митрополита Евлогия взгляд Митрополита Сергия на церковную смуту точно известен Митр. Евлогию.

Содержание

Возбудители раскола Николай Дмитриевич Тальберг	1
От издателя	2
Вместо предисловия. Из творений Епископа Феофана Затворника.	3
Большевики – начинатели смуты	5
Иудо-масонская печать – разжигатель смуты	9
«Софианцы» в прошлом и в настоящем.	11
Вселенская Патриархия против Русской Патриархии	26
Патриарх Мелетий и митрополит Хризостом – насадители «догматов современности».	31
Герман Аав – гонитель Православия в Финляндии	36
Заключение	41
Примечания	42